

ЕВГЕНИЙ БЕРКОВИЧ

Томас Манн и Первая мировая война

После убийства в Сараеве 28 июня 1914 года наследного принца Австро-Венгрии Фердинанда и его супруги все в Европе с ужасом говорили о войне, хотя только немногие верили, что она в самом деле произойдет. Этот необоснованный оптимизм европейцев понятен, ведь последняя война на континенте закончилась в 1871 году, за четыре года до рождения Томаса Манна, и более сорока лет Европа наслаждалась миром. Прозрение наступило только тогда, когда ударил первый гром.

То лето Томас Манн проводил с семьей в своем загородном доме в Бад-Тельце. Оттуда 30 июля, за один день до вступления Германии в войну, он писал старшему брату:

Известие о мобилизации мы получили сегодня после полудня. Последовало, правда, опровержение, но похоже все-таки, что оно останется в силе недолго. Только что нам сказали, что через несколько часов будет прекращена телефонная и телеграфная связь с Мюнхеном, поскольку линию надо освободить для военных нужд. До такого еще не доходило на нашей памяти. Хочется знать, что ты испытыва-

ешь. Я, признаюсь, потрясен и пристыжен ужасным натиском действительности. До сегодняшнего дня я был оптимистичен и недоверчив — слишком штатская душа, чтобы счесть возможной такую чудовищность. И я все еще склонен верить, что дойдут лишь до определенной точки. Но кто знает, какое безумие может охватить Европу, если она закусит удила!¹.

Однако худшее случилось: Европа “закусила удила”, и все новые и новые страны втягивались в воронку мировой бойни. Дошла очередь и до Германии. Были мобилизованы и призваны в армию младший брат Томаса и старший брат Кати — Хайнц. Жар начинающейся войны быстро дошел до благополучных семей Прингсхаймов и Маннов и заставил по-новому взглянуть на реальность. В своем автобиографическом “Очерке моей жизни”, написанном в 1930 году, писатель вспоминает:

Как обстояло дело в Германии, во всем мире, об этом мы получили представление, когда, чтобы попрощаться с моим младшим бра-

1. Генрих Манн — Томас Манн. Эпоха. Жизнь. Творчество. Переписка. Статьи. — М.: Прогресс, 1988. — С. 155.

том, в качестве артиллериста медленно назначенным на фронт, поехали в Мюнхен и очутились в раскаленной зноем сутолоке вокзалов, забитых людьми, посреди взбодраженной, страхом и воодушевлением влекомой толпы. Рок вершил событиями¹.

Через неделю после начала войны Томас уже полностью определил свое отношение к случившемуся. В письме Генриху от 7 августа он признается:

Я все еще как во сне — и все же, наверно, должен теперь стыдиться, что не считал этого возможным и не видел неизбежности катастрофы. Какое испытание! Как будет выглядеть Европа, внутренне и внешне, когда все пройдет? Я лично должен приготовиться к полной перемене материальной основы своей жизни. Если война затянется, я буду почти наверняка, что называется, “разорен”. Ради бога! Что это значит по сравнению с переворотами, особенно психологическими, которые последуют за подобными событиями по большому счету! Не в пору ли быть благодарным за совершенно неожиданную возможность увидеть на своем веку такие великие дела? Главное мое чувство — невероятное любопытство и, признаюсь, глубочайшая симпатия к этой ненавистной, роковой и загадочной Германии, которая, хоть доселе она и не считала “цивилизацию” высшим благом, пытается, во всяком случае,

разбить самое подлое в мире полицейское государство¹.

Уже в эти дни стала углубляться пропасть между братьями в оценке “германской войны”. Если Томас разделял с миллионами сограждан “глубочайшую симпатию” к своей воюющей родине, Генрих открыто призывал к поражению Германии и считал, что “война ведется... одной лишь буржуазией в интересах ее кармана и ее идеологии, которая так великолепно способствует его пополнению”. Даже мать братьев, Юлия Манн, увещевала своего старшего сына “не говорить с чужими людьми дурно о Германии”².

Вернувшись в Мюнхен, Томас риторически спрашивает брата в письме от 18 сентября: “неужели ты действительно думаешь, что эта великая, глубоко порядочная, даже торжественная народная война отбросит Германию в ее культуре и цивилизованности так далеко назад...”³

После этого переписка братьев прекратилась на долгие три года, а настоящее примирение состоялось только в 1922 году, уже в другом политическом ландшафте их родины.

Признанный негодным к строевой службе, Томас сам себе поставил личное боевое задание: оправдать позицию Германии в начавшейся “глубоко порядочной” войне. И писатель, отложив все остальные литературные дела, с жаром взялся за это не просто трудное, но, скорее всего, невыполни-

1. Томас Манн. Очерк моей жизни. В кн.: Томас Манн. О себе и собственном творчестве. Статьи. Собрание сочинений в 10-ти тт. — Т. 9. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. — С. 124.

1. Генрих Манн — Томас Манн. Эпоха. Жизнь. Творчество. Переписка. Статьи. — С. 156.

2. Там же, с. 431—432.

3. Там же, с. 158.

мое поручение. В автобиографии он вспоминал: “Я был ‘призван’ не государством и не военным командованием, а самим временем”¹.

Первым результатом его усилий стал очерк “Мысли во время войны”, написанный между серединой августа и началом октября и опубликованный в ноябре 1914 года в журнале “Die neue Rundschau”.

Суть конфликта, в который оказался втянутым весь мир, Томас Манн определил как борьбу “культуры” с “цивилизацией”. При этом Германия билась за культуру, а страны Антанты — за цивилизацию. Эти два понятия лишь на первый взгляд кажутся синонимами. На самом деле, как попытался Томас Манн обосновать в очерке, они глубоко различны. В древности многие народы обладали своей культурой, но вряд ли их, кроме китайцев, можно назвать цивилизованными, поясняет Манн. По его словам, “культура — это вовсе не противоположность варварства; часто это лишь стилистически цельная дикость... Это законченность, стиль, форма, осанка, вкус, это некая духовная организация мира”. В отличие от культуры, “цивилизация — это разум, просвещение, смягчение, упрощение, скептицизм, разложение”². Современная цивилизация, которую насаждают страны “крайнего Запада”, — враг древней духовной культуры, за которую воюет Германия. Культура и политика — антиподы, при-

чем культура имеет перед политической приоритет. Именно поэтому немцы в этой войне, считает Манн, сражаются за правое дело, и он готов на любые лишения ради того “переворота в душах людей”, который последует за их победой.

За пределами Германии лишь немногие разделяли позицию немецких патриотов, которую кроме Томаса Манна отстаивали другие известные литераторы — Герхарт Гауптман, Райнер Мария Рильке, Альфред Керр, Роберт Музиль, Карл Вольфскель и др. Европейские интеллектуалы решительно осуждали “немецкое варварство”. Германия нарушила в августе четырнадцатого нейтралитет маленькой Бельгии, бомбардировала ее города, превратив в горы пепла бесценные памятники культуры. “Чьи внуки вы — Гёте или Атилла?” — спрашивал Ромен Роллан в знаменитом открытом письме Герхарту Гауптману от 29 августа 1914 года¹. Своим очерком “Мысли во время войны” Томас Манн однозначно поставил себя и Романа Роллана по разные стороны баррикад.

Позицию автора “Будденброков” в отношении мировой войны немцы немедленно заметили в Европе. Ромен Роллан в публицистической книге “Над схваткой” написал, что Томас Манн “уподобился бешеному быку, который, пригнув голову, несется на шпагу матадора”². В России А. В. Луначарский, готовя в 1915 году ре-

1. Томас Манн. Очерк моей жизни. — С. 125.

2. Thomas Mann. Gedanken im Kriege. In: Thomas Mann. Essay II. 1914–1926. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke — Briefe — Tagebücher. Band 15.1, S. 27 — 46. — Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 2002. — S. 27.

1. Ромен Роллан. Открытое письмо Герхарту Гауптману. В кн.: Ромен Роллан. Собрание сочинений. — Т. XVIII. — Л.: ГИХЛ, 1935. — С. 11.

2. Томас Манн. Размышления аполитичного. — М.: Издательство АСТ, 2015. — С. 44.

цензию на книгу Генриха Манна, рисует его младшего брата каким-то психом: “В настоящее время Томас Манн является совершенно сумасшедшим шовинистом, истерические вопли которого даже в глазах самых заядлых пангерманистов кажутся компрометирующими”¹.

Анатолий Васильевич, конечно, погорячился. Томасу никогда не изменяло чувство стиля, и “истерические вопли” слабо вяжутся с мастерством художника, достигшего уже литературной зрелости. Что касается зрелости политической, то до нее время еще не пришло.

Манн чувствовал, что одной статьи для обоснования прогерманской позиции мало, что большинство современников, и в их числе его собственный брат, аргументы в защиту Германии не приняли и поведение немецких патриотов осуждают. Поэтому в том же 1914 году он пишет еще одно эссе “Фридрих и большая коалиция” с подзаголовком “Очерк на злобу дня и часа”².

Аналогия между нападением Фридриха на нейтральную Саксонию в 1756 году и ударом Германии по нейтральной Бельгии в 1914 году читателю очевидна. Да Манн ее и не скрывает. Он верит, что Германия в двадцатом веке продолжает дело Фридриха из века восемнадцатого. Фридрих, по словам Руссо, которые приводит Манн, мыслит как философ, но ведет себя как король. Он нарушает

признанные законы и договоры ради того, чтобы “свершилось земное призвание великого народа”. Его право — это право поднимающей силы, утверждал автор очерка. За это же сражалась Пруссия в 1870—1871 годах с Францией, за это же воюет Германия в 1914 году против стран Антанты.

Очерк “Фридрих и большая коалиция” вышел в свет в начале 1915 года, а в ноябре того же года Томаса ждал удар, заставивший надолго забыть о довоенных литературных планах. Против него публично выступил брат Генрих, напечатанный в издававшемся в Швейцарии журнале “Белые листы” очерк об Эмиле Золя (большие фрагменты статьи напечатаны в сборнике документов “Томас Манн в суждении его времени”¹). Этот очерк был написан с позиции той самой “демократической цивилизации”, против которой так страстно выступал Томас Манн. Текст Генриха Манна полон скрытой полемики с младшим братом, видной, впрочем, и невооруженным глазом. По всем основным аргументам Томаса Генрих имеет свое мнение, прямо противоположное мнению брата. Вместо победы сильной Германии он желает ей поражения, не признает силы без права, не отделяет литературу от политики...

Через три года, отвечая на попытку примирения со стороны старшего брата, Томас в письме от 3 января 1918 года вспоминает давние обиды, нанесенные ему очерком Генриха:

1. Цит. по: С. К. Апт. Томас Манн. — М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ “Молодая гвардия”, 1972. — С. 158—159.

2. См.: Томас Манн. Аристократия духа, сборник очерков, статей и эссе. — М.: Культурная революция, 2009. — С. 11—59.

1. См.: Klaus Schröter (Hrsg.) Thomas Mann im Urteil seiner Zeit. Dokumente 1891—1955. — Frankfurt a.M.: Vittorio Klostermann, 2000. — S. 69—71.

Братское мироощущение придает личную окраску всему. Но вещи, которые ты в своей статье о Золя позволил своим нервам и преподнес моим, — нет, такого я никогда себе не позволял и не преподносил никому. Что после поистине французских колкостей, передержек, оскорблений этой блестящей поделки, уже вторая фраза которой была бесчеловечным эксцессом, ты счел возможным, хотя это “казалось безнадежным”, “искать сближения”, доказывает всю беспечность того, кто “щедр сердцем вширь”¹.

Вторая фраза в очерке, так больно кольнувшая Томаса, была следующей: “Это те, кому суждено рано засохнуть, в свои двадцать лет действуют сознательно, сообразуясь с существующим миром”². В последующих изданиях Генрих эту фразу вычеркнул.

Уязвленный в самое сердце, Томас Манн садится за письменный стол, чтобы “познать себя”, к чему призывал второй эпитафия книги. Так началась работа над “Размышлениями аполитичного”, про которую писатель вспоминал в автобиографии: “без пути-дороги продирался я сквозь густые заросли — этому суждено было длиться два года”³.

Писатель далеко не уверен, что принял правильное решение, пожертвовав “чистым сочинительством” ради исповедальных размышлений о войне и мире. Не случайно первым эпитафией новой книги выбрана фраза из “Проделок Ска-

пена” Мольера: “Какого черта он полез на эту галерею?”.

В письме, отправленном 6 ноября 1917 года шурина Петеру Прингсхайму, томившемуся в концлагере в далекой Австралии, Томас признается: “Я же тебе писал, что время поставило передо мной чисто публицистические задачи, которые вынудили меня приостановить художественные проекты, такие как ‘Волшебная гора’ и ‘Авантюрист’. По нынешнему состоянию и с учетом близкого завершения получается довольно толстая книга, которая под названием ‘Размышления аполитичного’ должна появиться зимой. Это вопрос самопознания и самоутверждения, собственно, ‘вопрос совести’, как сказал бы К. Ф. Майер¹... Но ты когда-нибудь и сам увидишь”². О попытке самопознания в “Размышлениях аполитичного” говорит второй эпитафия к книге — стих из драмы Гёте “Торквато Тассо”: “Сравни себя с другим! Познай себя!”.

“Я хочу всё сказать — и в этом смысл этой книги”, — напишет автор в главе “О добродетели”³. Поставленная грандиозная задача — “всё сказать” — потребовала и текста немалого объема: получившаяся в результате двухлетнего напряженного труда книга содержит более шестисот страниц (в русском переводе — более пятисот сорока).

1. Конрад Фердинанд Майер (1825–1898) — швейцарский поэт и писатель.

2. Thomas Mann. Briefe 1889–1936, hrsg. von Erika Mann. — Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1961. — S. 142.

3. Thomas Mann. Betrachtungen eines Unpolitischen. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke — Briefe — Tagebücher, Band 13.1. — Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 2009. — S. 462.

1. Генрих Манн — Томас Манн. Эпоха. Жизнь. Творчество. Переписка. Статьи. — С. 166.

2. Там же, с. 433.

3. Томас Манн. Очерк моей жизни. — С. 126.

Главный довод Манна, на котором строится защита воюющей Германии, — это ее особый путь в истории, ее особые, отличные от других европейских народов ценности, за которые она сражается. Для обоснования этого довода Манн прибегает к помощи великих предшественников. Начинает он “Размышления” с цитаты из “Дневника писателя” Ф. М. Достоевского, написанного в 1877 году, через четыре года после объединения Германии:

Задача Германии одна, и прежде была, и всегда. Это ее протестантство, — не та единственно формула этого протестантства, которая определилась при Лютере, а всегдашнее ее протестантство, всегдашний протест ее — против римского мира, начиная с Арминия, против всего, что было Римом и римской задачей, и потом против всего, что от древнего Рима перешло к новому Риму и ко всем тем народам, которые восприняли от Рима его идею, его формулу и стихию, к наследникам Рима и ко всему, что составляет это наследство¹.

Этот “протест” Германии против “крайнего западноевропейского мира”, как называл его автор “Дневника писателя”, проявляется, по мнению Томаса Манна, в противостоянии культуры и цивилизации. Для Германии важнее всего духовная культура, выраженная, прежде всего, в музыке. А для “крайнего западноевропейского мира” приоритетом является цивилизация, здесь больше ценят те

самые “разум, просвещение, смягчение, упрощение, скептицизм, разложение”, о которых он писал в “Мыслях во время войны”.

Кроме Достоевского, Манн прибегает к другим авторитетам — от Ницше и Шопенгауэра до Вагнера, но все это доводы из прошлого. Ведь “Дневник писателя”, на который ссылается Томас Манн, был написан тогда, когда автору “Размышлений” было всего два года. Сейчас же сорокалетнему писателю позарез необходимы новые аргументы. И он нашел их в опере Ганса Пфцицнера “Палестрина”.

Опера подтверждала главный аргумент Томаса Манна, пытавшегося оправдать позицию Германии в Первой мировой войне. По мнению писателя, Германия отстаивала в этой войне право на собственные идеалы и ценности, отличные от идеалов и ценностей Франции, Англии и примкнувшей к ним России. Суть немецкого духа, считал Манн, есть музыка, которая много важнее, чем политика, и вечные ценности культуры, за которые воюет Германия, несравненно значительнее пошлых идеалов прогресса, насаждаемых западными странами Антанты. Опера Ганца Пфцицнера наглядно выразила превосходство музыки над политикой, классической культуры — над беспочвенным модерном. Она словно освобождала писателя от необходимости снова и снова обосновывать свою позицию, очень близкую в то время к националистическому лагерю, из которого вскоре выйдет на политическую сцену национал-социализм.

В этом лагере, обозначаемом иногда трудно переводимым словом “фёлькиш”, находились тогда и композитор Ганс Пфцицнер, и восхищавшийся им писатель То-

1. Ф. М. Достоевский. Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. — Т. 25. — Л.: Наука, 1983. — С. 151.

мас Манн. Но единомышленниками они были не долго, и уже через пять лет пути их окончательно разошлись. Недавние товарищи стали непримиримыми идеологическими врагами.

С Ганцем Пфцинером Томас Манн был знаком лично, принимал его у себя дома — см., например, письмо Томаса Манна Бруно Вальтеру от 24 июня 1917 года¹. Перед премьерой композитор дал Томасу Манну прочитать либретто оперы, за что писатель благодарит его в письме от 19 мая 1917 года². Саму оперу Манн оценивал как “музыкально-драматическую исповедь, в духовном измерении на голову превосходящую современную оперную продукцию”³.

Социальная позиция Пфцинера, которого Манн охарактеризовал как “романтического ху-

дожника, т. е. национального, но аполитичного”, была близка писателю в то время, когда он заканчивал “Размышления аполитичного”. Можно сказать, что в композиторе писатель нашел родственную душу, которой ему так не хватало, а опера стала важным аргументом для Томаса Манна в попытке оправдать позицию Германии в мировой войне.

После Первой мировой войны Пфцинер из аполитичного романтического художника превратился, по словам Манна, в “антидемократического националиста”. Веймарскую республику он, в отличие от Томаса, не признал, а в 1933 году открыто выступил против своего бывшего друга, подписав знаменитый “Протест Мюнхена, города Рихарда Вагнера” против Томаса Манна.

1. См.: Thomas Mann. Briefe 1889–1936, S. 137.

2. См.: Thomas Mann. Briefe 1889–1936, Op. cit., S. 135.

3. Томас Манн. Место Фрейда в истории современного духа. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе. — М.: Культурная революция, 2009. — С. 172.